
Карина Макарова

ПЕРСПЕКТИВА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СТАРЕНИЯ: РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И СПОСОБЫ РАБОТЫ С ЭМПИРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ

В статье представлен анализ особенностей жизненного пути в контексте старения, с опорой на методологию биографического интервью. Автор акцентирует внимание на том, как ключевые принципы концепции, такие как развитие на протяжении всей жизни, агентность, взаимосвязь времени и места, временной принцип и взаимосвязанные жизни, интегрируются в изучение старения, выявляя множественность и различия в опыте старения среди современных обществ. В рамках подхода *life course* анализируются концептуальные изменения, которые влияют на понимание старения и его особенностей. Показано, что конструктивистское направление концепции жизненного пути позволяет не только учитывать социально-исторический контекст, но и признавать активное участие субъекта в формировании своего жизненного пути. Использование метода биографического интервью позволяет исследователям реконструировать сложные биографические конструкции жизненных путей и понять, как индивидуумы осмысливают процесс старения и свой переход в старший возраст. Для примера применения метода, автор использует данные, собранные в рамках исследования «Косметология *anti-age*»: вызов нормативному женскому сценарию старения в современном российском обществе» и раскрывает как внешность, физиологические изменения организма и социальные институты формируют восприятие возраста. Основной вывод в том, что возрастной нарратив участников исследования не привязан к строгим хронологическим рамкам, что делает границы старшего возраста более гибкими и проницаемыми. Материалы статьи будут полезны для специалистов в области геронтологии, социологии,

Карина Александровна Макарова – магистр социологии, аспирантка, факультет социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге; Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: kmaakarova@eu.spb.ru

а также для всех, кто интересуется индивидуальным опытом старения и его социальными аспектами.

Ключевые слова: жизненный путь, перспектива жизненного пути, биографический метод, исследования старения, критическая геронтология

Цитирование: Макарова К. (2024) Перспектива жизненного пути в исследованиях старения: развитие теоретической концепции и способы работы с эмпирическими данными. *Журнал исследований социальной политики*, 22 (3): 541–552.

DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-3-541-552

Существует множество концепций, объясняющих возраст и его соотношение с хронологией жизни. Одной из наиболее популярных и одновременно критикуемых является концепция жизненного пути (*life course*), возникшая в 1970-х годах (Elder 1974, 1998a; Kohli 2007). Теоретическое и методологическое развитие этого подхода связано с двумя обстоятельствами: расширением интересов исследователей за пределы взрослой фертильной возрастной группы и процессами старения населения, которые актуализировали проблемы старших возрастов. Со временем перспектива жизненного пути заняла ведущие позиции среди подходов и методов, применяемых для изучения старения как социально и культурно детерминированного феномена (Elder 1975; Dannefer 2003). С переменами в социальной политике государств всеобщего благосостояния (*welfare state*), которые направлены на снижение уровня социальной поддержки, происходит реорганизация жизненного пути индивида. Мартин Коли и Сьюзан Пикард отмечают уменьшение хронологической стандартизации, переопределение возрастных переходов и индивидуализацию, что приводит к «отодвиганию» и «размыванию» границ старости (Kohli 2007; Pickard 2016).

Биографическая целостность остается актуальной при изучении жизненного пути (Мещеркина 2002: 64), так как изменения в предыдущих периодах жизни влияют на опыт старения (Settersten 2017: 3). Однако утрата четкой хронологической схемы биографии порождает вопросы о структурировании жизненного пути, понимании жизненных этапов и переходов между ними. Целью статьи является анализ перспективы жизненного пути в исследованиях старения, изучение ее теоретической трансформации и демонстрация методологической эффективности подхода к анализу биографических нарративов.

Теоретическая концепция жизненного пути и старение

В междисциплинарном дискурсе (социология, психология, история, демография) теоретическая перспектива жизненного пути основывается на идее изучения индивидуальных жизней в тесной связи с определенным

историческим и социально-экономическим контекстом, в котором эти жизни разворачиваются (Mitchell 2003). Согласно традиции *life course studies*, жизненный путь представляет собой личный жизненный опыт во временном континууме, который подвержен возрастной периодизации (Gubrium et al. 1994; Holstein, Gubrium, 2007). За несколько десятилетий своего существования концепция жизненного пути не раз подвергалась пересмотру и трансформациям как в теоретическом, так и в методологическом аспектах.

В одном из первоначальных вариантов концепции жизненный путь описывался как последовательность социальных событий и ролей, которые человек выполняет на протяжении своей жизни (Giele, Elder 1998: 22). Она основывалась на пяти ключевых принципах, разработанных Гленом Элдером в 1970-е годы (Elder 1974, 1998a, b). *Принцип развития на протяжении всей жизни* предполагает, что развитие человека и подготовка к старости продолжаются на протяжении всей жизни. Этот принцип особенно важен для исследователей старшего возраста, поскольку модели адаптации к старости часто связаны с более ранними этапами жизни (Elder et al. 2003: 11). *Принцип агентности* подчеркивает, что люди активно формируют свой жизненный путь, принимая индивидуальные решения и действуя в рамках доступных ресурсов, исторических ограничений и социальных обстоятельств. *Принцип взаимосвязи времени и места* указывает на то, что жизненные пути людей встроены в определенный исторический контекст и зависят от конкретного географического местоположения. Например, исследовано влияние Великой депрессии на биографии американцев (Clausep 1993). *Временной принцип* акцентирует внимание на значении времени наступления событий, начала и окончания жизненных периодов и поведенческих моделей. В рамках концепции жизненного пути выделяются различные типы времени, такие как индивидуальное (хронологический возраст), время поколений (например, поколение бэби-бумеров) и историческое время (хронология социальных событий и изменений, значимых для определенных поколений (Mitchell 2003)). *Принцип взаимосвязанных жизней* указывает на то, что жизненные траектории индивидов формируются через их социальные связи и отношения с другими людьми. Например, опыт старения женщин часто зависит от их роли в семье, необходимости заботиться о детях, внуках или старших родственниках.

В середине 1980-х годов Мартин Коли обратил внимание на ряд изменений жизненного пути индивида в период модерна: значительная институционализация, хронологическая стандартизация (ориентация на хронологический возраст, создание «нормативного жизненного пути») и одновременно индивидуализация (Kohli 1986; 2007). Структурные трансформации общества в период модерна способствовали организации жизненного пути вокруг системы занятости, включая фазы подготовки, активной работы и выхода на пенсию (Рождественская 2012). Модель институционализованного жизненного пути (жизненный путь как социальный институт)

представляла собой шаблон для индивидуального протекания времени жизни, но оставалась открытой для действий и интерпретации индивидов (Kohli 2007: 255). Со временем концепция жизненного пути претерпела значительные изменения. По мнению Сюзан Пикард, наиболее заметные изменения коснулись этапа «молодости», который теперь характеризуется более длительным периодом образования и сложностями при входе на рынок труда. Это привело к более позднему созданию собственной семьи и формированию независимого домохозяйства по сравнению с предыдущими поколениями. Возвращение к образованию, такому как переквалификация или получение новой профессии, стало возможным в периоды взрослости и старости. Также выбор работы или партнера «на всю жизнь» стали менее распространенными, а молодожены среди людей старшего возраста стали встречаться все чаще (Pickard 2016).

Хронологическая дестандартизация и индивидуализация жизненного пути в старшем возрасте, подчеркнутая в современном прочтении подхода жизненного пути (Kohli 2007; Pickard 2016), тесно связаны с развитием потребительской культуры и продвижением нелиберальной повестки, основанной на свободном и независимом личном выборе. По мнению Анны Шадринной, повседневная жизнь требует постоянной адаптации к новым условиям и выбора собственной траектории (Shadrina 2020). Например, в рамках концепции «успешного старения» (Rowe, Kahn 1997), нормативно закрепленной в концепции «активного старения» (термин ВОЗ), ответственность за «счастье» в старшем возрасте часто возлагается на самого индивида, которому предлагается широкий выбор практик потребления как инструмент успешной вторичной социализации. В то же время Ричард Сеттерстен подчеркивает, что многие аспекты старения находятся вне сферы индивидуального контроля и коренятся в социальных силах, находящихся далеко за его пределами (Settersten 2017: 5). Накопившиеся проблемы со здоровьем и социально-экономический статус лишают возможности справиться со старением собственными усилиями.

Изменения в возможностях проживания периода старения привели к условному разделению периода старости в академическом дискурсе на более ранний «третий возраст» и более поздний «четвертый возраст» (Laslett 1987). Третий возраст рассматривается как период возможностей, активности и социального включения, в то время как четвертый возраст обозначает время неизбежного угасания и зависимости от внешней помощи.

Таким образом, в рамках актуальной конструктивистской перспективы жизненный путь рассматривается как интерактивное достижение – социальная форма, которую индивиды создают через свои интерпретации и используют для придания смысла своей повседневной жизни (Gubrium et al. 1994: 1).

В настоящее время теоретическая перспектива жизненного пути, позволяющая проследить историю жизни индивида в контексте конкретных социальных и культурных условий, признана научным сообществом

и успешно интегрирована в исследования старения. Дейл Даннифер и Ричард Сеттерстен отмечают, что перспектива жизненного пути приносит в критическую геронтологию понимание того, что жизненный опыт индивидов, организованный социальными отношениями и контекстами, в которых они находятся, формирует характер их старения (Dannefer, Settersten 2010: 4).

Методология подхода жизненного пути в исследованиях старения

Дизайн современных исследований старения, разработанный в рамках подхода жизненного пути, реализуется как в формате качественных методов (например, биографический метод), так и количественных (включая лонгитюдные (панельные) исследования, когортный анализ, поперечные сравнения, анализ данных времени жизни). Применяется сочетание этих методов. Количественные исследования сосредоточены на изучении истории жизни (*life history*) и основных элементах ее структуры, в то время как качественная методология фокусируется на изучении жизненных историй (*life story*), уделяя внимание осмыслению субъективного опыта, значений и ретроспективной интерпретации событий жизни (Haskova 2014: 6, 20).

История жизни или биография, как ее определяет Елена Рождественская, представляет собой жизненный путь, оформленный в виде истории, то есть «реконструированной последовательности значимых событий, рассказанной в качестве таковой» (Рождественская 2012: 21). Опираясь на современное прочтение теории жизненного пути и рассматривая его как социальный конструкт, важно подчеркнуть, что работа с биографическими нарративами в исследованиях старения позволяет разработать проблематику и сформулировать гипотезы о субъективном понимании возраста и возрастных границ, а также (не)готовности индивидов контролировать процесс старения и активно вмешиваться в его ход.

Преимущества исследования жизненных историй во многом определяются функциями биографии. Биографии позволяют людям связывать свою личную жизнь с более широкими социальными и историческими процессами и помогают понять, как личный опыт соотносится с изменениями в обществе. Елена Рождественская поясняет, что когда жизненные практики накапливаются в биографии, они становятся значимыми не только для самого человека, но и для общества. Это происходит через процесс превращения личного опыта в нечто, что воспринимается и понимается другими людьми (интерсубъективное) и далее в общественно признанное (объективированное) (Рождественская 2012: 26). Биография выполняет функцию создания или понимания непрерывности жизненного пути. По мере накопления опыта человек не только сохраняет связь со своим прошлым, но и улучшает свою способность справляться с новыми или

неожиданными ситуациями (Там же). Елена Здравомыслова и Анна Темкина подчеркивают, что в постмодерном обществе индивидуальная биография становится результатом личных решений и выборов, а не ограничена жесткими социальными структурами, традициями или моральными нормами, характерными для более ранних исторических периодов (Здравомыслова, Темкина 2007). Это освобождение от традиционных ограничений позволяет исследователям рассматривать жизненную историю как последовательность личных решений, которые формируют жизненный сценарий человека. Исследователи могут изучать жизненные истории в их развитии, не придерживаясь стереотипов о возрастных границах. Это позволяет более точно понять, как индивидуальные выборы и изменения в жизни влияют на личный опыт, не ограничивая его устаревшими представлениями о том, что должно происходить в определенные возрастные периоды.

Особенностью подхода жизненного пути является отсутствие универсальной методологической схемы для анализа биографического материала (Гай-Воронская 2008). Выбор методов анализа данных биографического интервью в рамках этого подхода зависит от целей и задач конкретного эмпирического исследования.

Несмотря на отсутствие стандартной хронологической схемы, теоретические источники предлагают инструменты для структурирования биографического нарратива в подходе жизненного пути. Основные понятия, используемые для изучения динамики биографического процесса – «переход» (*transition*), «статусный пассаж» (*status passage*) и «жизненная траектория» (*trajectory*). Переходом, по определению Элдера, является важное и заметное изменение в жизни человека, которое происходит в конкретный момент времени (Elder 1985). Такие переходы часто сопровождаются церемониями и ритуалами и приводят к изменению статуса, социальной идентичности и роли, например, вступление в брак (Mitchell 2003). Совокупность статусных переходов образует «статусный пассаж» (термин Glaser, Strauss 1971), который представляет собой этап жизни, характеризующийся несколькими переходами в различных сферах, таких как семья и карьера. Траектория – это последовательность связанных событий или состояний в жизни человека, которые наблюдаются на протяжении длительного времени и в рамках определенного типа деятельности или опыта.

Пример анализа биографических интервью

Рассмотрим более подробно технику анализа метода на примере четырех интервью из тринадцати, проведенных с женщинами 60–75 лет, которые регулярно используют косметологические омолаживающие процедуры. Интервью собраны в рамках магистерского исследовательского проекта «Косметология *'anti-age'*: вызов нормативному женскому сценарию старения в современном российском обществе» (2021–2022 гг.) Мы сосредоточимся

на том, как женщины воспринимают старение и возрастные изменения. Приведенный ниже фрагмент анализа показывает, как факторы внешности, физиологические изменения и социальные институты влияют на восприятие возраста и самоидентификацию женщин в этот период их жизни.

Согласно интервью, мысли о возрасте и старении начинают появляться у женщин в среднем после 40 лет. Этот период не воспринимается как непосредственно старость, а скорее, как стимул для активного ухода за собой и поддержания внешности. Например, информантка Галина подчеркивает важность применения *'anti-age'* косметологических процедур на данном этапе и считает их столь же необходимыми, как и другие здоровьесберегающие практики:

Я имею в виду, что ты уже не можешь ждать, все, время пришло. Или ты обращаешься к ним за помощью, так же как и к врачам каким-то там или там диетологам или в спортивных залах, также и косметология в этом же ряду стоит, потому что без нее уже все, никак (И. 10, Галина, 65 л.).

В биографиях женщин значительную роль играют переходные события в концептуализации возраста, такие как оформление пенсии или наступление менопаузы. Информантки Лариса и Екатерина делятся негативным опытом принятия себя в новых статусах. Оформление пенсии для Ларисы и наступление менопаузы для Екатерины можно рассматривать как ключевые переходные события:

Ну да, это как-бы немножечко накрывает, 50 лет – страшно, но когда тебе сказали «пенсия по старости» – это просто раздавило! Это просто раздавило! Напрочь! Размазало вот просто меня! Я пришла домой и думаю: «Господи, я старая...» (И. 1, Лариса, 67 л.).

Когда у женщины прекращается этот цикл, и я в 55 лет ушла на пенсию, я посмотрела в зеркало и увидела, что у меня все отвисло. Практически это был и, прежде всего... Мне это не понравилось. И потом я заметила взгляд мужа тоже на себе, что вот старушка, можно сказать, пришла (И. 9, Екатерина, 67 л.).

Для Екатерины наступление менопаузы подтверждает общественные ожидания естественного упадка, ассоциируемого со старением. Она связывает переходные события, такие как выход на пенсию и менопауза, с проявлениями телесного старения. Важную роль в ее восприятии возраста играет и мужской взгляд, который подчеркивает и усиливает ее ощущения старения.

Напротив, когда завершение трудовой деятельности произошло значительно раньше наступления пенсионного возраста, как это часто случалось в период перестройки для женщин этой возрастной когорты, оформление пенсии по старости не воспринимается негативно. В таких случаях пенсия может восприниматься как позитивное событие:

Пенсию... я же раньше осталась без работы, раньше пенсионного возраста своего. И с тех пор я вообще, честно говоря, и не работала. ... Официально не работала. И поэтому, когда подошел момент пенсии, для меня это был наоборот веселый момент, что мне теперь хотя бы приплачивать будут, потому как работы нет, торговать не смогла, в киоск не пошла, не было работы, по специальности не было (И. 13, Надежда, 74 г.).

Информантки в интервью отмечают, что возрастные нормы в России меняются:

Ну, мне кажется, сейчас к пожилой, пожилая женщина все-таки не старше 60-ти, мне кажется, пожилая это уже вообще-то, если вот так вот со стороны моего возраста, это уже за 80, если кто даже за 80 – там уже никто не будет спорить, и я, что это уже пожилая женщина, да. Но до 70 еще как-то, до 70-ти, можно сказать, еще как-то, ну, женщина, женщина молодая как... ну, не сказать, молодая, но еще женщина такая, взрослая женщина, вот так скажем. Но все-таки она еще женщина, не бабушка-бабушка с клюкой (И.10, Галина, 65 л.).

С одной стороны, слова Галины могут указывать на то, что граница старшего возраста сместилась, и средний возраст стал восприниматься как более длительный. С другой стороны, их можно интерпретировать как поддержку концепции активного и независимого третьего возраста и его актуальности для современного российского общества. В то же время категоризация возраста вызывает затруднения у информантки, что также указывает на переходный период в отношении нормативности.

Статусный пассаж в четвертый возраст, по мнению информанток, связан с окончанием активного периода жизни и требует как моральной, так и физической подготовки. Например, Галина подчеркивает необходимость экономической подготовки, пересмотра и изменения образа жизни в этот период:

То есть ты должен поменять свою жизнь в этом возрасте, должен поменять свой образ жизни и должен понимать – что-то ты должен оставить и выставить, что-то новое, ну, новое для себя, ну, например, хороший или загородный дом или там, допустим, наоборот, домик в какой-то деревне, понимая, что ты должен переступить уже в другую жизнь, и ты ее должен понять и продумать (И. 10, Галина, 65 л.).

Таким образом, метод биографического интервью в контексте жизненного пути позволил в этом проекте проанализировать субъективный опыт старения российских женщин и сделать вывод о том, что возрастной нарратив информанток не привязан строго к хронологическому возрасту. Хронологические границы возраста оказались гибкими и проницаемыми. Возрастные нормы, по мнению информанток, становятся более подвижными и перестают быть четким ориентиром для изменений в образе жизни и поведении. Статусный пассаж из взрослости в старший возраст может происходить в разном возрасте и зависит как от индивидуальных потребностей

и характеристик личности, так и от совокупности переходных событий и других значимых жизненных обстоятельств. Каждый нарратив уникален и отражает личные переходы. Осознание возраста и принятие нового статуса женщинами зависит от множества факторов, включая физические изменения и их коррекцию, восприятие окружающих, особенно мужчин, возможности оставаться активным на рынке труда и состояние здоровья.

Заключение

Представленный обзор исследований перспективы жизненного пути позволил проследить ее развитие и изменения, а также определить ее актуальность и потенциал для междисциплинарных исследований старения. Ключевые принципы концепции, такие как развитие на протяжении всей жизни, агентность, взаимосвязь времени и места, временной принцип и принцип взаимосвязанных жизней, интегрированы в исследования старения и помогают понять различия и разнообразие в опыте старения в современных обществах.

Исследования старения, опирающиеся на концепцию жизненного пути как социального конструкта, позволяют учитывать как социально-исторический контекст общества, так и влияние субъекта на проживание различных этапов жизни. В этом контексте применение метода биографического интервью в рамках подхода *life course* представляет собой важное методологическое уточнение для таких исследований. Реконструируя сложные биографические конструкции жизненных путей людей старшего возраста, исследователи могут формировать представление об индивидуальном опыте старения и окружающей социальной реальности, принимая во внимание субъективные значения и интерпретации самих участников.

Выражение признательности

Автор выражает благодарность Елене Александровне Богдановой и Елене Андреевне Здравомысловой за поддержку и помощь в работе над статьей.

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Список источников

Гай-Воронская А.Л. (2008) Биографический метод и его эвристические возможности в социологических исследованиях. *Методология и практика социологических исследований*, (1): 47–51.

Здравомыслова Е., Темкина А. (2007) Анализ нарративного интервью: реконструкция биографической работы. А. Темкина, Е. Здравомыслова (ред.) *Российский гендерный порядок: социологический подход*. СПб: ЕУСПб: 227–248.

- Мещеркина Е. (2002) Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий / (анализ зарубежных концепций). *Социологические исследования*, (7): 61–67.
- Рождественская Е. Ю. (2012) *Биографический метод в социологии*. М.: ВШЭ.
- Clausen J. A. (1993) *American Lives: Looking Back at the Children of the Great Depression*. New York: Free Press.
- Dannefer D. (2003) Cumulative Advantage and the Life Course. *Journal of Gerontology*, (58b): 327–337.
- Dannefer D., Settersten R. (2010) *The Study of the Life Course: Implications for Social Gerontology*. SAGE Publications Ltd.
- Elder Jr.G.H. (1974) *Children of the Great Depression: Social Change in Life Experience*. Chicago: University of Chicago.
- Elder Jr.G.H. (1975) Age Differentiation and the Life Course. *Annual Review of Sociology*, 1 (1): 165–190.
- Elder Jr.G.H. (1985) *Life Course Dynamics*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Elder Jr.G.H. (1998a) The Life Course and Human Development. In: W. Damon, R. M. Lerner (eds.) *Handbook of Child Psychology*, (1): 939–91.
- Elder Jr.G.H. (1998b) The Life Course as Developmental Theory. *Child Development*, (69): 1–12.
- Elder G. H., Johnson M. K., Crosnoe R. (2003) The Emergence and Development of Life Course Theory. J. T. Mortimer, M. J. Shanahan (eds.) *Handbook of the Life Course. Handbooks of Sociology and Social Research*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers: 3–19.
- Giele J. Z., Elder G. H. (eds.) (1998) *Methods of Life Course Research: Qualitative and Quantitative Approaches*. SAGE Publications, Inc.
- Glaser B., Strauss A. (1971) *Status Passage*. New York: Aldine.
- Gubrium J. F., Holstein J. A., Buckholdt D. R. (1994) *Constructing the Life Course*. Dix Hills, NY: General Hall.
- Haskova H. (2014) *Quantitative and Qualitative Approaches in Life Course Research*. Available at: www.researchgate.net (accessed 26 April 2023).
- Holstein J. A., Gubrium J. F. (2007) Constructionist Perspectives on the Life Course. *Sociology Compass*, (1): 335–352.
- Kohli M. (1986) The World We Forgot: A Historical Review of the Life Course. In: V. Marshall (ed.) *Later Life: The Social Psychology of Ageing*. Beverly Hills, CA: Sage: 271–303.
- Kohli M. (2007) The Institutionalization of the Life Course: Looking Back to Look Ahead. *Research in Human Development*, 4 (3–4): 253–271.
- Laslett P. (1987) The Emergence of the Third Age. *Ageing and Society*, 7 (2): 133–160.
- Mitchell B. A. (2003) Life Course Theory. In: J. Ponzetti (ed.) *The International Encyclopedia of Marriage and Family Relationships*. New York: Macmillan Reference: 1051–1055.
- Pickard S. (2016) *Age Studies: a Sociological Examination of How We Age and are Aged through the Life Course*. London. Thousand Oaks. New Delhi: Sage Publications.
- Rowe J. W., Kahn R. L. (1997) Successful Aging. *The Gerontologist*, 37 (4): 433–440.
- Settersten R. (2017) Some Things I Have Learned about Aging by Studying the Life Course. *Innovation in aging*, 1 (2): 1–7.
- Shadryna H. (2020) Babushkas: Former Soviet Women Pensioners Ageing in Russia and the UK. *Doctoral thesis, Birkbeck, University of London*.

Karina Makarova

LIFE COURSE PERSPECTIVE AND AGING STUDIES: THE THEORETICAL DEVELOPMENT AND WAYS TO WORK WITH EMPIRICAL DATA

This article presents a study of the life course concept in the context of aging, based on biographical interview methodology. The author focuses on how the key principles of the concept, such as lifelong development, agency, historical time and place, timing in lives, and linked lives, are integrated into the study of aging, revealing diversity and differences in aging experiences across contemporary societies. As part of the life course approach, the author analyzes the conceptual changes that affect the understanding of aging and its features. It is shown that the constructionist approach to the life course allows for not only considering the socio-historical context but also recognizing the active role of the individual in shaping their own life course. The use of biographical interviews enables researchers to reconstruct complex biographical constructs of life courses and understand how individuals conceptualize the aging process and their transition into older age. As an example of the method application, the author uses the data collected from the "'Anti-age' cosmetology: challenge of the normative female aging scenario in modern Russian society" study to reveal how appearance, physiological changes in the body and social institutions form the perception of age. An important conclusion is that the age narrative of the study participants is not tied to a strict chronological framework which makes the boundaries of older age more flexible and permeable. The materials of this article will be useful for specialists in the field of gerontology, sociology, as well as for everyone interested in the individual experience of aging and its social aspects.

Key words: life course, life course perspective, biographical method, aging studies, critical gerontology

Citation: Makarova K. (2024) Perspektiva zhiznennogo puti v issledovaniyakh stareniya: razvitiye teoreticheskoy kontseptsii i sposoby raboty s empiricheskimi dannymi [Life Course Perspective and Aging Studies: The Theoretical Development and Ways to Work with Empirical Data] *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 22 (3): 541–552.

DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-3-541-552

References

- Clausen J. A. (1993) *American Lives: Looking Back at the Children of the Great Depression*. New York: Free Press.
- Dannefer D. (2003) Cumulative Advantage and the Life Course. *Journal of Gerontology*, (58b): 327–337.

Karina Makarova – Master of Sociology, PhD student, Faculty of Sociology, European University at St. Petersburg; St. Petersburg, Russian Federation. Email: kmakarova@eu.spb.ru

- Dannefer D., Settersten R. (2010) *The Study of the Life Course: Implications for Social Gerontology*. SAGE Publications Ltd.
- Elder Jr.G.H. (1974) *Children of the Great Depression: Social Change in Life Experience*. Chicago: University of Chicago.
- Elder Jr.G.H. (1975) Age Differentiation and the Life Course. *Annual Review of Sociology*, 1 (1): 165–190.
- Elder Jr.G.H. (1985) *Life Course Dynamics*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Elder Jr.G.H. (1998a) The Life Course and Human Development. In: W. Damon, R. M. Lerner (eds.) *Handbook of Child Psychology*, (1): 939–91.
- Elder Jr.G.H. (1998b) The Life Course as Developmental Theory. *Child Development*, (69): 1–12.
- Elder G. H., Johnson M. K., Crosnoe R. (2003) The Emergence and Development of Life Course Theory. J. T. Mortimer, M. J. Shanahan (eds.) *Handbook of the Life Course. Handbooks of Sociology and Social Research*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers: 3–19.
- Gay-Voronskaya A.L. (2008) Biograficheskiy metod i ego evristicheskie vozmozhnosti v sotsiologicheskikh issledovaniyakh [Biographic Method and its Heuristic Potential in Sociological Research]. *Metodologiya i praktika sotsiologicheskikh issledovaniy* [Methodology and Practice of Sociological Research], (1): 47–51.
- Giele J. Z., Elder G. H. (eds.) (1998) *Methods of Life Course Research: Qualitative and Quantitative Approaches*. SAGE Publications, Inc.
- Glaser B., Strauss A. (1971) *Status Passage*. New York: Aldine.
- Gubrium J. F., Holstein J. A., Buckholdt D. R. (1994) *Constructing the Life Course*. Dix Hills, NY: General Hall.
- Haskova H. (2014) *Quantitative and Qualitative Approaches in Life Course Research*. Available at: www.researchgate.net (accessed 26 April 2023).
- Holstein J. A., Gubrium J. F. (2007) Constructionist Perspectives on the Life Course. *Sociology Compass*, (1): 335–352.
- Kohli M. (1986) The World We Forgot: A Historical Review of the Life Course. In: V. Marshall (ed.) *Later Life: The Social Psychology of Ageing*. Beverly Hills, CA: Sage: 271–303.
- Kohli M. (2007) The Institutionalization of the Life Course: Looking Back to Look Ahead. *Research in Human Development*, 4 (3–4): 253–271.
- Laslett P. (1987) The Emergence of the Third Age. *Ageing and Society*, 7 (2): 133–160.
- Meshcherkina E. (2002) Zhiznenny put' i biografiya: preemstvennost' sotsiologicheskikh kategoriy / (analiz zarubezhnykh kontseptsiy) [Life Course and Biography: Continuity of Sociological Categories / (Analysis of Foreign Concepts)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (7): 61–67.
- Mitchell B. A. (2003) Life Course Theory. In: J. Ponzetti (ed.) *The International Encyclopedia of Marriage and Family Relationships*. New York: Macmillan Reference: 1051–1055.
- Pickard S. (2016) *Age Studies: a Sociological Examination of How We Age and are Aged through the Life Course*. London. Thousand Oaks. New Delhi: Sage Publications.
- Rowe J. W., Kahn R. L. (1997) Successful Aging. *The Gerontologist*, 37 (4): 433–440.
- Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) Biograficheskiy metod v sotsiologii [Biographical Method in Sociology]. Moscow: HSE University.
- Settersten R. (2017) Some Things I Have Learned about Aging by Studying the Life Course. *Innovation in aging*, 1 (2): 1–7.
- Shadryna H. (2020) Babushkas: Former Soviet Women Pensioners Ageing in Russia and the UK. *Doctoral thesis, Birkbeck, University of London*.
- Zdravomyslova E., Temkina A. (2007) Analiz narrativnogo interv'yua: rekonstruktsiya biograficheskoy raboty [Analysis of the Narrative Interview: Reconstruction of the Biographical Work]. In: A. Temkina, E. Zdravomyslova (eds.) *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskiiy podkhod* [Russian Gender Order: Sociological Approach]. Sankt-Peterburg: Evropeyskii universitet v Sankt-Peterburge: 227–248.